

рения нового муниципалитета, Дантон и Байи уже явились в Национальное собрание от имени 43 секций (из 48) с требованием немедленного удаления министров и предания их суду нации.

Секции, таким образом, не отказались от своих верховных прав. Хотя эти права были отняты у них законом, они продолжали ревностно охранять и громко провозглашать эти права. Требование секций об удалении министров, конечно, не имело муниципального характера, но они *действовали*, они *работали*, они *строили* новое общество и в данном случае с законом не справлялись. Надо сказать, и то, что значение секций вследствие различных общественных обязанностей, принятых ими на себя и выполняемых ими (см. ниже), было уже так велико, что Национальное собрание не могло не выслушать их и ответило в доброжелательном тоне.

То же самое произошло и с другим пунктом муниципального закона 1789 г., которым муниципалитеты вполне подчинялись «администрации департамента и уезда во всех тех обязанностях, которые им приходится выполнять по поручению общего управления» (статья 55). Ни секции, ни действовавшая через их посредство Парижская коммуна, ни провинциальные коммуны не подчинились этому пункту. Они просто не обращали на него внимания и продолжали сохранять за собой власть.

Вообще после упразднения парижских округов секции мало-помалу в свою очередь стали очагами революции; и если их деятельность несколько ослабела в период реакции 1790 и 1791 гг., то, как мы увидим дальше, именно они разбудили Париж в 1792 г. и подготовили революционную коммуны Десятого августа.

Каждая секция, как мы уже упомянули, избирала на основании нового закона от 21 мая 1790 г. 16 комиссаров, составлявших гражданские комитеты; и эти комитеты, которым вначале были даны одни полицейские обязанности, не переставали в течение всей революции расширять свои полномочия во всех направлениях. Так, в сентябре 1790 г. Собранию пришлось признать за секциями право, которое, как мы видели, еще в августе 1789 г. признало за собой городское управление Страсбурга, - право назначать мировых судей и их помощников, а также судей для соглашений в торговых и промышленных спорах (*prud'hommes*). Этим правом секции пользовались вплоть до водворения якобинского правительствa, т. е. до 4 декабря 1793 г.

С другой стороны, эти же самые гражданские комитеты секций взяли в свои руки в конце 1790 г. после упорной борьбы заведование делами благотворительных комитетов, а также и право очень существенное - наблюдать за общественной благотворительностью и организовывать ее. Это дало им возможность заменить благотворительные мастерские старого порядка новыми «мастерскими для помощи» под управлением самих секций. Впоследствии секции сделали в этом направлении очень много. По мере того как социальные идеи революции развивались, развивались и секции. Мало-помалу они взяли на себя доставку одежды, белья и обуви для войска, организовали помол зерна и т. д., так что в 1793 г. всякий гражданин и всякая гражданка, живущие в данной секции, могли явиться в соответствующую мастерскую и получить там работу¹. Позднее из этих первых опытов возникла более обширная организация и во II году Республики (1793–1794) секции уже делали попытки заместить администрацию, занимавшуюся обмундированием войска, и торговцев-предпринимателей².

Таким образом, право на труд, которого требовало в 1848 г. рабочее население больших городов

¹ Mellie E. Les sections de Paris, p. 289.

² В июне 1793 г., говорит Мелье, секция Финистер организовала работу по поставке одежды для войска так, что «каждый гражданин и каждая гражданка, живущие в области секции, представив (в удостоверение места жительства) свидетельство от домовладельца, могли явиться в мастерскую и получить работу» (Ibid.). В августе 1793 г. Конвент старался сосредоточить поставку одежды для армии в руках своей администрации, но и она должна была распределять работу между различными секциями согласно их потребностям. Это подало повод жалобам, и тогда (в конце августа) распределение работы было поставлено под контроль комиссаров, назначаемых секциями. «Совершенно новая организация возникла из этого, — говорит Мелье. — Секции совершенно заместили предпринимателей и администрацию поставки одежды. Эти (распределительные) бюро, открытые в самых бедных кварталах, стали мастерскими секций; а так как они были под их рукой, то не было нужды в посредниках». Из документов, случайно сохранившихся в одной секции (вследствие возникшего спора), видно следующее: «Таким образом секция назначает и смещает комиссаров, управляющих мастерской, определяет их жалованье, назначает цену изготовленных вещей так, чтобы не было никакого барыша, лишь бы покрыть расходы по магазину, принимает жалобы... одним словом, является полным хозяином предприятия, за которым она наблюдает, проверяет счета и оплачивает расходы» (Ibid., p. 290–295). С наступлением реакции после падения Робеспьера всему этому, конечно, был положен конец. Декретом 13 июня 1795 г. снабжение войска одеждой было отнято у Парижской коммуны.